

Проф. М. Е. Сергеенко

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СРЕДНЕЙ ИТАЛИИ ВО II в. ДО Н. Э.

Для истории сельского хозяйства Средней Италии II в. до н. э. богатейший материал дает трактат Катона «Земледелие», который неоднократно был использован в этом отношении, но все-таки не до конца: старый цензор может рассказать еще много интересного и неожиданного внимательному слушателю.

Книгу Катона изучали обычно со стороны содержания; никто не привлекал еще ее структуры в качестве свидетельницы о хозяйственном состоянии Италии, не только современной Катону, но и более ранней. Между тем именно структура трактата делает содержание катоновских советов особенно значительным, и поэтому, изучая содержание катоновского «Земледелия», необходимо всегда иметь в виду и особенности его построения.

Распределение материала в этой книге, очень капризное с первого взгляда, при ближайшем рассмотрении сводится к нескольким, весьма простым принципам. Таковы принципы (ограничиваясь лишь теми, которые нужны для целей данного исследования) многократного возвращения к тем вопросам сельского хозяйства, которые у автора считаются особо важными, и повторения правил, существенных, с его точки зрения, для той или иной области сельского хозяйства. Прибавим к этому еще уменьшение Катона быть, смотря по надобности, то лаконически кратким, то подробным до мелочей. Запомним эти особенности катоновского письма, перейдем к анализу «Земледелия».

Книга эта, как известно, отчетливо разбивается на несколько частей: «Введение», «Календарь», включающий в себя «Осень», «Зиму» и «Весну», и, наконец, последний отдел, обозначаемый обычно как «Домоводство». «Введение» построено совершенно особо: самый невнимательный читатель сразу увидит, что Катон хотел сделать эту часть книги действительно и введением в сельское хозяйство и кратким компендием по основным его вопросам. Он начинает с самой покупки имения: вот каким оно должно быть и где должно находиться; вот какие порядки следует в нем завести и вот как надо его обстроить и оборудовать. Дав характеристику виллика, важнейшей после хозяина фигуры в рабовладельческой усадьбе, Катон разбирает здесь все отрасли тогдашнего хозяйства: полеводство, разведение маслин (фруктовые деревья прихвачены попутно) и виноградарство. Подгородные имения, лежащие близ Рима, представляют собой совершенно своеобразную хозяйственную величину, и они выделены особо, потому что, конечно, среди читателей Катона было немало людей, имевших такие поместья. Не забыты и луга обоих типов — сухие и поливные, а также заросли лозняка и тростника, поставлявшие материал, необходимый в вино-

градном хозяйстве. «Введение», таким образом, давало краткий обзор всего, на что надлежало хозяину обратить внимание,— и больше того, оно определяло, на чем внимание это должно особенно сосредоточиться.

Винограднику, например, уделяется сравнительно мало внимания: Катон сообщил только перечень виноградных сортов, сопровождая его беглым указанием, где какие сажать (VI, 4). Зато маслина оказывается предметом живейшего интереса: Катон не ограничивается тут перечислением одних сортов и золотым правилом каждого садовода—выбирать по преимуществу тот сорт, который в данной местности считается наилучшим. В сжатой форме он дает свод основных правил по уходу за маслинами: в каком месте разбивать маслинник, на какой земле сажать разные сорта; какое расстояние соблюдать между отдельными деревьями при посадке (VI, 1—2). Здесь хозяину напоминают о необходимости удобрять маслину: «вокруг маслин осенью выкопай ямку и подложи туда навозу» (V, 8).

Маслина и в дальнейшем остается деревом, к которому автор неизменно стремится привлечь внимание читателя. Советы Катона, касающиеся ее, включают в себе полный курс ухода за маслиной, причем особенно подчеркивается необходимость удобрения (кроме упомянутого уже места во «Введении» еще главы XXIX, XXXVI, XXXVII, 2, XCIII), и очень подробно описано все, что надлежит делать хозяину, желающему увеличить свои насаждения (закладка питомников — XLV — XLVI, разведение отводками — LI — LII и CXXXIII). В намерения Катона явно не входило писать сельскохозяйственную энциклопедию такого типа, какой была впоследствии работа Колумеллы. Катон пишет для людей, для которых сельское хозяйство было занятием само собой разумеющимся и которых он только хочет научить хозяйничать лучше, с большей для них выгодой. Он по-разному пишет о разных хозяйственных статьях, и его манера писать — беглость замечаний в одних случаях и вразумительная подробность в других — чрезвычайно важна, ибо в ней заключено непосредственное свидетельство о том, что в хозяйстве для современников Катона было особенно важным и новым, чему старый цензор их учил и о чем только напоминал. С этой точки зрения обстоятельность катоновского маслиноводства поразительна. Ужели маслина для италийца II в. до н. э. была незнакома? И да и нет.

Италийский хозяин имел дело с маслиной, конечно, задолго еще до Катона. Обстоятельность его маслиноводческих советов, многократное требование удобрения, рецепты разных удобрительных составов заставляют нас, однако, утверждать, что еще поколение, предшествовавшее Катону, и не думало об уходе за этим деревом, действительно нетребовательным и неприхотливым. Хозяева того времени, несомненно, держались того убеждения, которое нашло свое выражение в новогреческой поговорке, гласящей, что маслина — дерево глупое: оно будет родить безо всякого ухода. Мы вряд ли ошибемся, представив себе масличные сады того времени в виде, самое большее, нескольких десятков беспорядочно разбросанных, корявых деревьев — скорее роща, чем сад, — которые предоставлены собственной участи и дают урожай по воле судьбы. Маслин и масла — горьковатого и припахивающего — хватает для себя и только при очень благоприятном стечении обстоятельств и на рынок, причем, само собой разумеется, что на ближайший. В первой половине II в. до н. э. все резко меняется. Вчерашняя беспризорница, золушка италийских садов, маслина сегодня становится их царицей: ей все мысли, о ней все заботы. Катон не поленился пять раз напомнить своему читателю, что маслину необходимо удобрять. Тщательное описание питомников, а также способа пересадки и прививки заставляет думать, что его современники интересуются улучшением масличных пород и разбивкой больших маслинников.

Размеры садов, приводимые Катонем (120 юг.— III, 5 и 240 юг.— X), служат конкретным тому подтверждением. Прежние запущенные садики уступают место масличным плантациям с правильными рядами деревьев (VI, 1), которые являются предметом самой внимательной заботы: их окучивают, подрезают, очищают, унаваживают, поливают удобрительными смесями. Итальянские хозяева спохватываются, что их соседи — кампанцы весьма осведомлены в уходе за всякими деревьями и плодовыми и декоративными; недаром же Катон брал уроки садоводства у поланца Манья Перценция. Садоводческой науке обучались, в конечном счете, у греков, переселившихся в Кампанию: уход за маслиной в том виде, как он изображен у Катона, изложен в ботанических книгах Феофраста, собравшего, как известно, в практических указаниях своих опыт греческих пахарей, виноградарей и садоводов. Знаменательно, что, живя бок о бок с кампанцами, итальянские хозяева и не думают до II в. идти к ним в науку. Именно II в. до н. э., и как раз первая его половина, оказывается поворотной эпохой в истории итальянского масличного хозяйства: с этого времени можно говорить об итальянском маслиноводстве (Лациум, Сабинские холмы, итальянские имения в Кампании), как о статье, играющей роль в хозяйстве страны. В тесной связи с этим подъемом маслиноводства стоит и реформа в области маслоделия.

Маслоделие принадлежало тоже к числу вопросов, на которые Катон считал необходимым обратить внимание сразу же, уже в «Введении»: «когда собраны будут маслины, сейчас же начинай жать масло, чтобы они не испортились... если маслины долго пролежат на земле или на настиле [собранные маслины, обычно высыпали на досчатый помост.— М. С.], они начнут гнить, и масло приобретет дурной запах» (III, 2—4). Он вернется к этому же пункту и в дальнейшем (LXIV, 1). Чрезвычайно интересно, как обучает Катон своих современников и земляков рациональному маслоделию. Первый провозглашает он основное его правило, которое потом не устанут повторять латинские сельскохозяйственные писатели, — «чем скорее ты выжмешь масло, тем выгоднее это будет... тем больше будет масла и тем лучше оно будет» (LXIV, 2). Количество «отрицательных» предписаний по маслоделию у Катона ясно указывает на то, что он настоятельно предлагал современникам-маслоделам изменить свою практику: «не верь, что масла может прибавиться в маслинах, пока они лежат на настиле» (LXIV, 1); «не пользуйся медной посудой»; «не дрови косточек, когда давишь масло», «не коли дров в маслодельне» (LXVI — LXVII). Выразительно и подчеркнуто требование самой щепетильной чистоты, а также многократного переливания масла, что являлось средством полностью очистить его от отстоя. У хозяина появляется, таким образом, большое количество этого отстоя (амигса), который играет в итальянском хозяйстве роль какого-то универсального средства, поэтому, может быть, у Катона так много советов, как этот отстой использовать.

Итак, мы имеем ряд подробностей, согласно сливающимся в цельную картину важной, быстро развивающейся отрасли хозяйства: обширные масличные сады, предполагающие широкую торговлю продуктами этих садов; значительное улучшение качества этих продуктов (очень возможно, что рецепты заготовления маслин впрок, сообщаемые Катонем, имели значение не только для домашнего обихода, но и для торговли), правильный уход за маслиной, обеспечивающий урожай сторицей. Хозяева масличных плантаций стремятся узнать, чего хочет и чего требует маслина, — книга Катона была откликом на требование времени. Написанная во второй четверти II в., она предполагает изменения в жизни масличного сада уже совершающимися: маслинник в 240 югеров, о котором говорит Катон, должен был прожить, по крайней мере, лет 15, чтобы превратиться в сад, даю-

щий нормальную продукцию — именно таким и представлен он в катонской записи. Сдвиг в маслиноводстве начался, повидимому, вскоре после ганнибаловой войны. Что же его вызвало?

Тенни Франк, единственный из исследователей экономической жизни Италии обративший мельком внимание на то, что в этот период «указания Катона по маслиноводству свидетельствуют о широком интересе к этой культуре», полагает, что развитие маслиноводства в это время было обусловлено, с одной стороны, повышением жизненного уровня в самой стране. Люди, возвращавшиеся с Востока, если и не разбогатевшие, то, во всяком случае, обогатившиеся от войны и службы в провинциях, не удовлетворялись больше ни едой, ни жильем своих предков. Сам Катон, столько воевавший против роскоши, жил в молодости гораздо проще, чем под старость. Потребитель желал ароматного масла и яркого освещения в своем значительно расширившемся доме. Масло надо делать лучше, и его требуется больше. С другой стороны, Великая Греция еще не оправилась после опустошений, произведенных Ганнибалом: эта область становится рынком для сбыта из средней Италии.

С соображениями Тенни Франка нельзя согласиться. Вряд ли потребности внутреннего рынка сразу выросли настолько, чтобы вызвать тот перелом в маслиноводстве, который отразился в трактате Катона. Что касается Великой Греции, то обедневшее население ее предпочитало, конечно, получать масло из Сицилии, до которой было рукой подать. Возможно, что некоторая часть масла из средней Италии попадала и сюда, но главным масляным рынком для Лация и смежных областей к северу оказалась, несомненно, Цисальпинская Галлия, которая в первую четверть II в. была окончательно замкнута. Сюда выводится ряд колоний, движется поток переселенцев. Люди эти принесли с собой поколениями вкоренившиеся в них привычки и требования, масло для них было предметом такой же первой необходимости, как и хлеб. Между тем, как известно, маслина в долине По не растет (кроме южных альпийских долин, например, у озер Комо и Гарда). Откуда же новоселы могли получать масло и маслины? Во времена Плиния Старшего, когда Истрия покрылась римскими имениями, масло можно было получать оттуда: она им славилась (Plin., NH, XV, 8), но в ту пору, о которой сейчас речь, Истрия представляла собою военный лагерь, жители которого существовали грабежом и набегами, а отнюдь не сельскохозяйственной деятельностью. Везти масло из Массилии или из Провинции было и трудно и опасно. Между тем сообщение со Средней Италией было и спокойным и удобным: здесь шли две такие величественные дороги, как Фламиниева и Эмилиева (обе проложены в 187 г. до н. э.), служившие конечно, не только для передвижения войск, но и для торговых целей: недаром же вдоль Эмилиевой дороги был расположен ряд *foга*, т. е. рыночных площадей. Варрон (Rr, II, 6, 5) рассказывает о караванах вьючных ослов, которые в его время с грузом масла, вина или пшеницы двигались из Калабрии или Апулии к морю. Вероятно, такие же караваны, нагруженные солеными маслинами и маслом, двигались при Катоне из Средней Италии в долину По, доставляя новым жителям те продукты, без которых они не могли обходиться. Очень вероятно, что близость к такому богатому рынку вызвала к жизни расцвет маслиноводства и в Пизцене и в Сабинском округе, чьи холмы с легкой гравистой почвой служили превосходным местом для масличных насаждений.

Предположение, что долина По в первой половине II в. до н. э. стала главным масляным рынком, открывшим широкие перспективы для маслоделов Средней Италии, перспективы, которые заставили их значительно поднять свое маслиноводческое хозяйство, подкрепляется еще одним обстоятельством: виноградарство изложено у Катона весьма суммарно:

кратко перебрав сорта лоз во «Введении», он втиснул все сведения по уходу за лозами в две главы— XXXII—XXXIII, которые представляют, по своему изложению, резкий контраст с главами, посвященными уходу за маслиной. В последних все ясно, отчетливо и понятно; виноградарство же изложено в той нередкой для Катона манере, которая заставила одного современного ученого вспомнить о муках Тантала: как будто все просто, все дается в руки, а схватить и понять ничего нельзя. Главы эти изобилуют специальными терминами: *podare, vinarii, custodes*; сроки для ряда работ точно не определены (например, такой важной, как обрезка: только из труда Колумеллы мы узнаем, что ее можно производить не только осенью, но и весной); говорится о подвязывании лозы, но ничего не сказано о переплетках и об их устройстве. О виноградных питомниках лишь мимоходом замечено, что их надо устраивать так же, как масличные (XLVII). Катон обращается явно к людям, которые хорошо знакомы с виноградарством: он не задерживает внимания читателя на виноградной лозе, как он задерживает его на маслине; не считает нужным сразу же, во «Введении», остановить его внимание на каких-то особо важных пунктах виноградного хозяйства, как он сделал с маслиной. Очевидно, виноградарство в это время не переживает особенного расцвета и развития; знаменательных дат в истории виноградарства Средней Италии на эту пору не приходится. Между тем разрушительная деятельность Ганнибала в южной Италии была направлена, конечно, не на одни масличные сады, уничтожены и для сбыта вина, но, по всей вероятности, поставщицей его оказалась та же Сицилия. Долина По была богата собственным вином. Качеством вина современные Катону виноделы похвастаться не могли: эпоха знаменитых кампанских и латинских вин начнется значительно позже (первое упоминание Фалерна у Катутла и у Варрона). Судя по рецептам Катона, современники его не далеко ушли от своих дедов, угостивших пиррова посла, Кинея, таким вином, что тот, глядя на огромной высоты деревья, по которым вились лозы, не мог удержаться от ядовитой шутки: «лозу, производящую такое вино, действительно, стоит распять на таком высоком кресте» (Plin.; NH, XIV, 12). Таким образом, ни южная Италия, которая могла получать от своих соседей из Сицилии прекрасное вино; ни долина По, которая в изобилии имела собственные вина, пусть и не очень высокого качества, не сулили виноградарям Средней Италии таких возможностей, которые дали бы толчок для быстрого улучшения виноградарства, как это было с маслиноводством. Виноделы Лация и Кампании попрежнему имели дело только с внутренним домашним рынком (в него включены, разумеется, Этрурия и Умбрия, хотя последнюю мог снабжать и Пизен, где еще во времена войны с Карфагеном вина было столько, что Ганнибал мог вином мыть опаршивевших лошадей своей конницы). Потребности этого рынка были не малы: об этом свидетельствуют размеры виноградников у богатых людей (Cat., XI: 100 юг. = ок. 25 га: это большой промышленный виноградник), и год от году, потребности эти, разумеется, возрастали, но соответствующее им разрастание виноградного хозяйства шло постепенно и тихо, и в книге Катона оно не отразилось. Что касается самой техники виноградарства, то она в это время стоит на значительной высоте, и это понятно: виноградная лоза — растение капризное и требовательное; о маслине можно было забыть, и все-таки она давала урожай; лоза без ухода не только перестает родить, но и гибнет. А так как вино в быту южанина стоит рядом с хлебом, то и пришлось выучиться всему, что обеспечивало бы урожай винограда. Катону пришлось рассказать подробно своим землякам только о прививке лозы (эта тонкая работа была для латинского садовода, видимо, внове) и о способе омолодить старый виноградник.

Если мы сравним количество полеводческих наставлений у Катона и расположение их с его предписаниями по маслиноводству, то мы неожиданно увидим, что хлебным полем старый цензор интересовался отнюдь не менее, чем масличным садом. Так же начинает он свои полеводческие наставления с «Введения», развертывает их в «Осени» — в том календарном отделе, где всего уместнее было говорить о хлебной ниве, потому что главная работа — посев приходился как раз на это время, и неоднократно к ним возвращается. Если маслина интересует его, как объект, вдруг потребовавший ухода, которому непременно надо выучиться во всех его частностях, то хлебное поле останавливает его внимание по некоторым совершенно определенным пунктам. Маслина, долго жившая в италийской усадьбе на положении заброшенной падчерицы, давала тем не менее своему хозяину достаточное для него количество плодов и масла и была хорошим подспорьем в его хозяйстве; хлебная нива составляла основу этого хозяйства. Учить италийского хозяина, современника Катона, тому, как держать плуг или окучивать посевы, имело бы, примерно, такой же смысл, как обучать греческому алфавиту доктора классической филологии. Советы Катона, касающиеся маслины, составят, как мы уже упоминали, почти полный курс маслиноводства, воскресить агротехнику зернового хозяйства современной ему Италии по его книге немыслимо. И на фоне этого молчания особое значение приобретают те пункты, на которых Катон счел нужным остановиться: это — удобрение и пахотный инвентарь.

Современники Катона недооценивали, повидимому, важности удобрения. Земля должна была «сама родить» (*sua virtute valeat* — I, 2), и в аффорический опыт предков, удобрению отведено третье место (LXI, 1). Сам он не устает твердить об удобрении: «позаботься, чтобы у тебя была большая навозная куча. Старательно сохраняй навоз», — поучает он во «Введении» (V, 8). В «Осени» — опять: «тщательно сохраняй всякий навоз» (XXXVI). К этому прибавлен перечень разных удобрений и того материала, который для получения навоза следует брать на подстилку. В «Зиме» мы услышим о минеральном удобрении для полей — золе (XXXVIII, 4).

Второй пункт, интересующий Катона в полеводстве, это инвентарь. Уже во «Введении» он рекомендует обзавестись хорошими плугами и лемехами (V, 6) и к этому же вопросу возвращается в «Домоводстве», объясняя здесь, что он разумет под хорошим плугом и лемехом (CXXXV, 2).

Это внимание к удобрению и инвентарю очень знаменательно: оно свидетельствует о том, что жизнь потребовала от современников Катона значительно больших урожаев, чем те, которыми они до сих пор довольствовались. Чтобы получать эти урожаи, надо было прийти на помощь земле: как следует ее удобрить, как следует вспахать, засеять во-время и каждому растению отвести такое место, на котором оно пошло бы всего лучше. Упор, сделанный Катонем на определенных полеводческих советах, позволяет определить и характер полеводов предшествующих времен: богатых опытом, прекрасно знающих технику полевых работ, но небрежных, скуповатых и не знающих элементарных положений о рациональном уходе за землей.

Полеводческие советы Катона позволяют, таким образом, сделать вывод, совершенно противоположный общепринятому мнению буржуазной историографии. Об упадке полевого хозяйства во времена Катона для Средней Италии не может быть и речи: наоборот, здесь подъем. Объяснить его не трудно: достаточно бегло просмотреть четвертую и пятую декаду Ливия, чтобы убедиться, какое количество хлеба в эту пору почти непрерывных войн нужно было Италии. Произведя примерный подсчет зерна, необходимого для войска и для страны, мы на цифрах увидим, что

заморского хлеба только-только хватало для армии и то в мирное время. Италия должна была сама себя кормить хлебом; население увеличивалось, потребности возрастали, ближайший рынок требовал больше и больше хлеба, и хозяину, естественно, приходилось требовать и от своего поля зерна больше, чем оно до сих пор давало.

Традиционно-обычным в исследованиях еще первой четверти нынешнего столетия, касающихся экономики древней Италии, является параграф, посвященный тому, как вследствие заморских войн Италия переходит от хлебшашества к садовым культурам и виноградарству. Первая половина II в. до н. э. была временем, на которое падает ряд войн: вторая Македонская война, войны с этолийцами, с Антиохом Великим и с Персеем. Внимательное чтение Катона убеждает, что судьба разных хозяйственных отраслей в эти военные и послевоенные годы была весьма различна. Хлебшашество пошло вперед, а не упало; виноградарство, достигшее уже к этому времени высокой ступени развития, продолжает развиваться потихоньку, без ущерба для хлебного поля; для масличного хозяйства наступает пора процветания, вызванная, однако, вовсе не заморскими войнами, а покорением долины По.

Н. Н. Белова

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ГАЛЛИИ В I—II вв.

В буржуазной историографии прочно утвердилось мнение, что Галлия в целом, включая богатых и бедных, аристократию и демократические массы, эксплуататоров и эксплуатируемых, благоденствовала под эгидой Рима. Особенно ярко проводится эта мысль у Фюстель-де-Куланжа и у его последователей, одним из которых является Камилл Жулльен. По мнению Жулльена, в связи с более интенсивным развитием ремесла и торговли в римскую эпоху увеличивались постоянно не только роскошь богатых, но и благоденствие бедных. «В римскую эпоху,— пишет он,— роскошь богатого галла даже для самого бедного не казалась чем-то исключительным: не было пропасти между теми и другими»¹. Римское господство, по его мнению, внесло в социальные отношения галльского общества принцип равенства, который особенно наглядно проявлялся якобы в организации общественных увеселений и постройке общественных зданий — театров, амфитеатров, терм и т. п., где объединялись для общих удовольствий и бедные и богатые (там же, стр. 372). Подобных же взглядов на социальные отношения в римской Галлии придерживаются и многие другие буржуазные историки, в частности Гренье, который постоянно подчеркивает, что в римскую эпоху благоденствие сельского населения значительно увеличилось². По мнению Шапо, в эпоху римского господства наблюдалось столь очевидное всеобщее благоденствие в Галлии, что «не было никакого непреодолимого расстояния между классами, разделенными имуществом»³.

Реакционная классовая сущность этих взглядов буржуазных историков вполне ясна. Будучи свидетелями жестоких классовых противоречий эпохи империализма, эти буржуазные ученые пропагандируют классовый мир и прославляют «крепкий государственный аппарат», способный якобы установить классовое равновесие. Они стремятся доказать, что все явления, присущие современному капиталистическому обществу, были характерны и для древнего римского общества, где не было якобы серьезных социальных потрясений и революционных переворотов. Отсюда модернизация и фальсификация исторических фактов, затушевывание различия в социальных явлениях античного и современного капиталистического общества⁴. Отсюда и оценка волнений широких народных масс

¹ С. Jullian, Histoire de la Gaule, т. V, P., 1925, стр. 368.

² A. Grenier, Archéologie gallo-romaine, т. II, P., 1931, стр. 540.

³ V. Chapot, Le monde Romain, P., 1927, стр. 366; ср. Н. Dessau, Geschichte der römischen Kaiserzeit, В., 1924, т. II, 2, стр. 310—312.

⁴ Ср. Н. Dessau, ук. соч., т. II, стр. 310—312; С. Jullian, ук. соч., т. V, стр. 372.